

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева»

(Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева)

Кафедра английской филологии

Письменный перевод

По книге The Soviet tragedy : a history of socialism in
Russia, 1917-1991

название книги на иностранном языке

выходные данные 1994 г., New York : Free press Maxwell Macmillan
International

перевод стр. с 352 по 360 стр.

для сдачи кандидатского экзамена

по иностранному языку

(английский язык)

Выполнил:

Андреев Андрей Валерьевич

кафедра истории России

Астрахань – 2023 г.

Introduction	Введение
Reform flickers out	Реформа вспыхивает
At the time of Khrushchev's fall it seemed as if the only significant problem facing the Soviet Union was the usual succession crisis.	Во время отставки Хрущева казалось, что единственной серьезной проблемой, с которой столкнулся Советский Союз, был обычный кризис преемственности
Khrushchev's personal rule was followed by a new collective leadership in the pattern of the two Soviet successions since the death of Lenin. Yet the pattern this time was significantly modified: There was no struggle for power ending in the emergence of a supreme chief, and the new leadership would remain essentially collective until it passed from the scene in the mid-1980s.	За личным правлением Хрущева последовало новое коллективное руководство по образцу двух советских преемников после смерти Ленина. Однако на этот раз схема была значительно изменена: борьба за власть не заканчивалась появлением верховного вождя, и новое руководство оставалось по существу коллективным до тех пор, пока оно не сошло со сцены в середине 1980-х годов.
For Khrushchev had irrevocably amended the old Stalin "constitution." By bringing Stalin's terror to a halt, he had made his Politburo colleagues safe from the political police, but their safety had then become the source of his own vulnerability: He had given away his only leverage against the apparat, and thus the safeguard of his own power.	Ибо Хрущев безвозвратно изменил старую сталинскую "конституцию." Прекратив сталинский террор, он обезопасил своих коллег по Политбюро от политической полиции, но затем их безопасность стала источником его собственной уязвимости: он отказался от своего единственного рычага воздействия на аппарат и, таким образом, от гарантии своей собственной власти.
By the same token, he had given the apparatchiki not only physical security but also, and inadvertently, life tenure in their positions. Thus, when Khrushchev was deposed, the nomenklatura as a collective entity became the new supreme chief of the system.	Точно так же он обеспечил аппаратчикам не только физическую безопасность, но также, и непреднамеренно, пожизненное пребывание на их должностях. Таким образом, когда Хрущев был свергнут, номенклатура как коллективное образование стала новым верховным руководителем системы.

Accordingly, leading careerists of the system divided the principal posts among themselves, Leonid Brezhnev, Khrushchev's longtime protégé, became the new First Secretary. Thus the ensuing eighteen years are usually called "the Brezhnev era"; and Brezhnev can indeed stand as an appropriate symbol for his whole Stalin-bred generation.	Соответственно, ведущие представители номенклатуры поделили между собой главные посты, новым первым секретарем стал Леонид Брежнев, давний протеже Хрущева. Таким образом, последующие восемнадцать лет обычно называют "эпохой Брежнева"; и Брежнев действительно может стать подходящим символом для всего своего поколения, воспитанного Сталиным.
The post of prime minister was given to Alexei Kosygin, who is often classified as a "technocrat."	Пост премьер-министра был отдан Алексею Косыгину, которого часто характеризуют как "технократа".
But that is certainly a misnomer, for this former textile engineer had worked only in the Party apparat during the previous twenty years. And Kosygin's career was not unlike that of most apparatchiki of the Brezhnev generation: Their cursus honorum included a somewhat rudimentary "higher" technical training during the early to mid-1930s, and then a transfer from factory management to full-time Party work in the wake of the purges.	Но это, безусловно, неправильное название, поскольку этот бывший инженер-текстильщик работал только в партийном аппарате в течение предыдущих двадцати лет. Сама карьера Косыгина мало чем отличалась от карьеры большинства аппаратчиков поколения Брежнева: их cursus honorum (Путь чести - система политический карьеры в Древнем Риме времен республики) включал в себя несколько рудиментарную "высшую" техническую подготовку с начала вплоть до середины 1930-х годов, а затем после чисток был переведен с заводского управления на постоянную партийную работу.
Some went on to Stalin's Central Committee Secretariat, and a few to Khrushchev's Presidium. Another member of this generation who was also a protégé of Khrushchev, Nikolai Podgornyi, became the nominal head of state.	Некоторые пришли из сталинского Секретариата ЦК, а ряд других из Президиума ЦК Хрущева Президиум. Иной представитель этого поколения, который также был протеже Хрущева, Николай Подгорный, стал номинальным главой государства.
But there is no point in distinguishing too finely among these figures; they are like their fellows Kirichenko and Kirilenko under Khrushchev, or, as Gogol might have said, Ivan Ivanovich Bobchinsky and Ivan Ivanovich Dobchinskii.	Но нет смысла слишком тонко различать эти цифры; они похожи на своих собратьев Кириченко и Кириленко при Хрущеве, или, как мог бы сказать Гоголь, на Ивана Ивановича Бобчинского и Иван Ивановича Добчинского.

Still, one apparatchik deserves special mention. This is the slightly older Mikhail Suslov, the chief ideologist and éminence grise of the Brezhnev era. He is of interest because his career epitomizes the life cycle of the Soviet system.	Тем не менее, один аппаратчик заслуживает особого упоминания. Это немного постаревший Михаил Суслов, главный идеолог и влиятельный человек эпохи Брежнева. Он представляет интерес, потому что его карьера олицетворяет жизненный цикл советской системы.
Born into a family of poor peasants, he became a Komsomol activist in the local committee of the village poor in 1918, at the age of sixteen. During the NEP, he worked his way up through a "Workers' Faculty" and the Red Economics Institute to become a professor in the Industrial Institute during the First Five-Year Plan.	Родившийся в семье бедных крестьян, он стал комсомольским активистом в местном комитете сельской бедноты в 1918 году, в возрасте шестнадцати лет, во время нэпа, он прошел путь через институт народного хозяйства и экономический институт красной профессуры, чтобы стать профессором Отраслевого института в течение первого пятилетнего плана план.
In the wake of the purges he became Party secretary in the souther province of Stavropol; and in 1944 he supervised the Sovietization of Lithuania. In 1947 this exemplary survivor was rewarded for his services with a Central Committee post under Zhdanov, from where he moved to Stalin's Presidium in 1952.	После чисток он стал секретарем парткома в южной провинции Ставрополя, а в 1944 году руководил советизацией Литвы. В 1947 году этот приспособленец был вознагражден за свои заслуги постом в ЦК при Жданове, откуда он перешел в Президиум при Сталине в 1952 году.
Under Khrushchev, in the interest of Party reform, Suslov first distinguished himself as the new leader's chief supporter against the "Anti-Party Group." Then, in the interest of Party stability, he became the chief critic of Khrushchev's excesses; and this moved him to organize the palace coup of 1964.	При Хрущеве, в интересах реформы Партии, Суслов впервые проявил себя как главный сторонник нового лидера в борьбе с "антипартийной группой". Затем, в интересах стабильности партии, он стал главным критиком эксцессов Хрущева; и это побудило его организовать государственный переворот в 1964 году.
But in all these roles he was forever the quintessential Party man, and this led him to become the chief instigator of the soft Stalinism of the Brezhnev years. The new collective leadership of Brezhnev, Kosygin, and Suslov made its program clear when it proclaimed the principle of "stability of cadres."	Но во всех этих ролях он всегда был типичным партийным деятелем, и это привело его к тому, что он стал главным зачинщиком мягкого сталинизма брежневских лет. Новое коллективное руководство Брежнева, Косыгина и Суслова четко сформулировала свою программу, когда провозгласила принцип "стабильности кадров".

<p>This principle was soon given concrete meaning by the abrogation of Khrushchev's Party statutes providing for rotation of cadres in office and for time limits on tenure. The restoration continued with the rescission of the Party's division into two parts and with the suppression of Khrushchev's educational reform.</p>	<p>Вскоре этому принципу был придан конкретный смысл благодаря отмене хрущевских партийных уставов, предусматривавших ротацию кадров на посту и ограничения по срокам пребывания в должности. Восстановление продолжалась отменой разделения партии на две части и отменой хрущевской реформы образования.</p>
<p>Next, in conjunction with a new economic reform, the sovnarkhozes were abolished and replaced by central ministries. Thus, within a year the status quo ante Khrushchev was wholly restored but for one major exception: there was no Leader, not even much of a Boss.</p>	<p>Затем, в связи с новой экономической реформой, совнархозы были упразднены и заменены центральными министерствами. Таким образом, в течение года статус-кво до Хрущева был полностью восстановлен, за одним важным исключением: не было Лидера, даже хоть сколько способного руководителя.</p>
<p>In the 1960s Brezhnev was clearly only primus inter pares, and this remained essentially true even in the 1970s, despite his growing public prominence in both foreign and domestic affairs.</p>	<p>В 1960-х годах Брежнев явно был лишь примусом среди равных, и это оставалось по существу верным даже в 1970-х годах, несмотря на его растущую известность в обществе как во внешних, так и во внутренних делах.</p>
<p>He travelled abroad to meet with foreign heads of state, and during the period of détente he resumed summitry with President Nixon, Ford, and Carter. Domestically, in 1966 he made the neo-Stalinist gestures of resuming the title General Secretary and renaming the Presidium the Politburo, In 1977 he deposed Podgornyi as president and assumed that title as well, just as Stalin had done.</p>	<p>Он ездил за границу, чтобы встретиться с главами иностранных государств, а в период разрядки возобновил встречи на высшем уровне с президентом Никсоном, Фордом и Картером. Внутри страны в 1966 году он предпринял неосталинистские жесты, вернув себе титул Генерального секретаря и переименовав Президиум в Политбюро, в 1977 году он сместил Подгорного и также принял этот титул, как это сделал Сталин.</p>
<p>He made himself a marshal of the armed forces, covered his chest with medals, and published his complete (allegedly theoretical) works-all traditional attributes of a Soviet Leader.</p>	<p>Он сделал себя маршалом вооруженных сил, покрыл свою грудь медалями и опубликовал свои полные (якобы теоретические) работы - все привычные атрибуты Советского лидера.</p>

Yet these were but the trappings and the suits of vzhdizm, a reflection of the inevitable tendency of collective leadership in a Party-state to bring forth-at least symbolically-a single head.	И все же это были всего лишь атрибуты и костюмы вождизма, отражение неизбежной тенденции коллективного лидерства в партийном государстве к появлению - по крайней мере символически - единой главы.
In fact, he was never as active a Boss as Khrushchev had been; government in practice was by consensus, and this time collegial leadership remained a political reality.	На самом деле он никогда не был таким активным начальником, каким был Хрущев; правительство на практике формировалось на основе консенсуса, и на этот раз коллегиальное руководство оставалось политической реальностью.
For Brezhnev had learned very well from Khrushchev's fall that the old slogan "cadres decide everything" had acquired a new meaning: In the absence of terror, the General Secretary was now ultimately accountable to them, and not the other way around, as under Stalin.	Что Брежнев очень хорошо усвоил после падения Хрущева так это старый лозунг "кадры решают все", который приобрел новое значение: в отсутствие террора, Генеральный секретарь теперь был в конечном счете подотчетен им, а не наоборот, как при Сталине
Thus the Brezhnev-Kosygin-Suslov years became the great age of nomenklatura Communism. So the peregrinations of Hegel's idea of Reason in History had come full circle.	Таким образом, Брежнев-Косыгин-Годы Сулова стали великой эпохой номенклатурного коммунизма. Таким образом, странствия гегелевской идеи разума в истории прошли полный круг.
To the founder of modern dialectics, the rational bureaucracy was the "universal" class leading mankind to its fulfillment. Marx had given this universal role to the most deprived and dehumanized class, the proletariat.	Для основателя современной диалектики рациональная бюрократия была "универсальным" классом, ведущим человечество к его осуществлению. Маркс отводил эту универсальную роль наиболее обездоленному и дегуманизированному классу, пролетариату.
Lenin had substituted the Party for the proletariat, and he legitimated the resulting dictatorship by proclaiming it the expression of the Logic of History. Under Brezhnev's "developed" and "really existing" socialism, the Party dictatorship became the domination of the new class of the nomenklatura.	Ленин заменил пролетариат партией и узаконил возникшую в результате диктатуру, провозгласив ее выражением логики истории. При "развитом" и "реально существующем" социализме Брежнева партийная диктатура стала господством нового класса номенклатуры.

Thus the universal class was once again a bureaucracy claiming to rule in the name of Reason in History.	Таким образом, универсальный класс снова стал бюрократией, претендующей на то, чтобы править во имя своей Истории.
The new leaders by no means intended their quest for stability to end in "stagnation." Initially they wanted to be cautious reformers; and if they abandoned this course, it was because, unlike Khrushchev, they soon learned through experience that reform was too dangerous to continue.	Новые лидеры ни в коем случае не предполагали, что их стремление к стабильности закончится "застоем". Изначально они хотели быть осторожными реформаторами; и если они отказались от этого курса, то только потому, что, в отличие от Хрущева, вскоре на собственном опыте убедились, что реформы слишком опасны, чтобы их продолжать.
Their initial program was in three parts: first, to end de-Stalinization and eliminate intellectual dissent in order to restore stability; second, to pursue a more moderate course of economic reform in order to provide for the country's long-term strength and the consumer's welfare; and third, to proceed more slowly and less provocatively with the quest for international parity with the United States.	Их первоначальная программа состояла из трех частей: во-первых, положить конец десталинизации и устранить интеллектуальное инакомыслие, чтобы восстановить стабильность; во-вторых, проводить более умеренный курс экономических реформ, чтобы обеспечить долгосрочную силу страны и благосостояние потребителя; и в-третьих, продолжить более медленно и менее провокационно в стремлении к международному паритету с Соединенными Штатами.
Thus, they hoped to pursue the goals of Khrushchev's Reform Communism without the turbulence and uncertainty of his methods. And they made modest headway for a few years, until the much bolder Reform Communism of the Prague Spring of 1968 so frightened them that it ended all reform in the Soviet Union until the late 1980s.	Таким образом, они надеялись преследовать цели реформаторского коммунизма Хрущева без потрясений и неопределенности его методов. И они добились скромного прогресса в течение нескольких лет, пока гораздо более смелая перестройка коммунизма в виде Пражской весны 1968 года не напугала их настолько, что положила конец всем реформам в Советском Союзе до конца 1980-х годов.
The end of de-Stalinization and the attack on dissidence was signalled by the arrest in 1965 of two writers who had published their texts abroad, Andrei Siniavskii and Iurii Daniel, and by their trial the following year.	Окончание десталинизации и атаки на диссидентство ознаменовалось арестом в 1965 году двух писателей, опубликовавших свои тексты за рубежом, Андрея Синявского и Лурье Даниэля, и судебным процессом над ними в следующем году.

Under Stalin, many Soviet writers had of course perished without a public trial, but this was the first time any had been incriminated for the content of their works.	При Сталине многие советские писатели, конечно, погибли без публичного суда, но это был первый случай, когда кому-либо были предъявлены обвинения за содержание их произведений.
Both were convicted and sentenced to several years in Siberia as a warning to all others to abandon samizdat. But this strategem did not work; instead it sparked a small but organized current of defiance.	Оба были осуждены и приговорены к нескольким годам заключения в Сибири в качестве предупреждения всем остальным отказаться от самиздата. Но эта уловка не сработала; вместо этого она вызвала небольшой, но организованный поток неповиновения.
What under Khrushchev had been an anti-Stalinist explosion mingling indignation and hope first in 1957 and then in 1962 -now became a continuing movement to which the name dissidence was soon applied.	То, что при Хрущеве было антисталинским взрывом, смешавшим негодование и надежду сначала в 1957, а затем в 1962 году, теперь стало продолжающимся движением, к которому вскоре было применено название диссидентство.
There are several reasons why the dissident movement emerged at the soviet tragedy this time. Khrushchev's fall had not only ended public probing of the Stalinist past, it had also produced an orthodox counterattack that actually sought to rehabilitate Stalin.	Есть несколько причин, по которым диссидентское движение возникло во время советской трагедии. Падение Хрущева не только положило конец публичному исследованию сталинского прошлого, но и вызвало ортодоксальную контратаку, которая фактически была направлена на реабилитацию Сталина.
Indeed, the Siniavskii-Daniel trial, coming on the eve of the first Party Congress of the new leadership, was widely interpreted as a prelude to active re-Stalinization."	Действительно, процесс Синявского-Даниэля, проходивший накануне первого съезда партии нового руководства, был широко истолкован как прелюдия к активной ресталинизации."
So dissidence was in the first instance a movement of self-defense against this possibility, which remained a live concern until the ninetieth anniversary of Stalin's birth in 1969.	Таким образом, диссидентство было в первую очередь движением самозащиты от этой возможности, которое оставалось актуальной проблемой до девятоготридцатая годовщина со дня рождения Сталина в 1969 году.

But dissidence was also a sign of a deepening disillusionment with the reformability of the system. The somewhat facile optimism of the Khrushchev years now gave way to the realization that reform would not fall from on high, but would at best come about through a long, slow process of pressure and struggle.	Но диссидентство было также признаком углубляющегося разочарования вместе с возможностью реформирования системы. Несколько поверхностный оптимизм хрущевских лет теперь уступил место осознанию того, что реформа не свалится сверху, а в лучшем случае произойдет в результате долгого, медленного процесса давления и борьбы.
Still, as yet the discourse of dissent was only of reform, not of breaking out of the system entirely. Lastly, dissidence could emerge because the regime was no longer willing to resort to the brutal terror of the past.	Однако, пока дискурс несогласия касался только реформы, не о полном выходе из системы. Наконец, диссидентство могло возникать, так как режим больше не желал прибегать к жестоким методам прошлого.
This was not because the system was becoming liberal, or mutating from totalitarianism into mere authoritarianism; the change came about for the pragmatic reason that extreme terror was destructive of the system itself.	Это произошло не потому, что система становилась либеральной или мутировала от тоталитаризма к простому авторитаризму; изменение произошло по прагматичной причине ввиду то, что крайний террор был разрушительным для самой системы.
Hence, the regime now conducted repression by softer, less direct, and more gradual methods, usually with a coating of "socialist legality," as in the Siniavskii-Daniel trial.	Следовательно, режим теперь проводил репрессии более мягкими, менее прямыми и более постепенными методами, обычно с налетом "социалистической законности", как в случае с Синявским-Дэниелом.
It is therefore a mistake to talk of the Brezhnev period as a new Stalinism. Brezhnev the man even doubled with Suslov was no Stalin, and if he had attempted a revolution from above and mass terror, he could not have gotten away with it in the circumstances of the 1960s.	Поэтому ошибочно говорить о брежневском периоде как о новом Сталинизме. Брежнев как человек даже в паре с Сусловым все не походил на Сталина, и если бы он предпринял попытку революции сверху и массового террора, ему бы это не сошло с рук в обстоятельствах 1960-х годов.
As has already been noted, Stalinism can occur only once in the life cycle of a Communist regime, and that once is the pivotal moment of the building of socialism.	Как уже отмечалось, сталинизм может возникнуть только один раз в жизненном цикле коммунистического режима, и это однажды стало поворотным моментом построения социализма.
Only that supreme task can fuel the fanaticism and stimulate the violence of real Stalinism.	Только эта высшая задача может подпитывать фанатизм и стимулировать насилие настоящего сталинизма.

But once socialism is built, the primary task of the regime becomes the "defense of its conquests"; Stalinism, or more accurately the Stalin system, becomes routinized and stabilized as "developed socialism."	Но как только социализм построен, главной задачей режима становится "защита своих завоеваний"; сталинизм, или, точнее, сталинская система, становится рутиной и стабилизируется как "развитый социализм".
The once hot ideology of class struggle and combat becomes a cold ideology of orthodox incantation. And consequently Soviet leadership passes from the revolutionaries to the guardians.	Некогда горячая идеология классовой борьбы становится холодной идеологией ортодоксального заклинания. И, следовательно, советское лидерство переходит от революционеров к хранителям
It is only this "soft" Stalinism that was practiced under the gray guardianship of Brezhnev, Kosygin, and Suslov.	Только этот "мягкий" сталинизм практиковался под серой опекой Брежневаа, Косыгин и Суслова.
Another reason why their totalitarianism was more muted was the state of the economy.	Другой причиной, по которой их тоталитаризм был более приглушенным, было состояние экономики.
It was now too huge and too complex to be run with the brutal methods employed in the 1930s, or even with the stringencies imposed during the postwar reconstruction.	Теперь он был слишком огромен и слишком сложен, чтобы им можно было управлять с помощью жестоких методов, применявшихся в 1930-х годах, или даже с учетом строгостей, введенных во время послевоенной реконструкции.
Moreover, it was no longer possible to defer some measure of consumer satisfaction, and that meant the performance of agriculture had to be improved. Khrushchev had already shown the way on this score, and there was no going back.	Более того, представлялось не возможным откладывание какую-либо меру удовлетворения потребителей, и это означало, что показатели сельского хозяйства должны были быть улучшены. Хрущев на этот счет уже указал путь, дороги назад не было.
Indeed, the new leadership felt it was necessary to improve on Khrushchev's economic record in the interests of both the system's stability and the development of its military strength as a superpower.	Действительно, новое руководство считало необходимым улучшить экономические показатели Хрущева в интересах как стабильности системы, так и развития ее военной мощи как сверхдержавы.
In economies, therefore, there was at first no refreeze, but rather an extension of the reform effort. This was especially marked in agriculture.	Таким образом, в экономике поначалу не было никакой заморозки, а скорее расширение усилий по реформированию. Особенно это было заметно в сельском хозяйстве.

Although Khrushchev's restless "campaigning" was called off, his most important programs were intensified. Investment in the chemical industry was expanded, and the production of artificial fertilizers was increased.	Хотя беспокойная "предвыборная кампания" Хрущева была прекращена, его наиболее важные программы были активизированы. Были расширены инвестиции в химическую промышленность и увеличено производство искусственных удобрений.
Investment in the chemical industry was expanded, and the production of artificial fertilizers was increased.	Были расширены инвестиции в химическую промышленность и увеличено производство искусственных удобрений.
Prices paid to kolkhozniks for grain and livestock were raised. Restrictions on the private plot were eased.	Цены, выплачиваемые колхозникам за зерно и домашний скот, были повышены. Ограничения на частный участок были ослаблены
Above all, during the Brezhnev years investment in agriculture increased enormously; it eventually accounted for a quarter of the budget, at which time the Soviet Union was devoting a greater proportion of national resources to agriculture than any other Country.	Прежде всего, в годы правления Брежнева инвестиции в сельское хозяйство чрезвычайно возросли; в конечном итоге они составили четверть бюджета, в то время как Советский Союз выделял на сельское хозяйство большую долю национальных ресурсов, чем любая другая страна.
The once neglected countryside had at long last become a top priority of the regime. And production did improve notably, indeed at a faster rate than in most Western countries."	Некогда заброшенная сельская местность наконец-то превратилась в главный приоритет режима. И производство действительно заметно улучшилось, причем более быстрыми темпами, чем в большинстве западных стран".
All the same, agriculture remained a crisis area: each bad harvest was a national drama, and the country regularly had to import grain, especially to feed its livestock.	Тем не менее, сельское хозяйство оставалось зоной кризиса: каждый неурожай был национальной драмой, и стране регулярно приходилось импортировать зерно, особенно для кормления своего скота.
One reason for this relative failure was that Soviet agriculture had been so depressed, even rapid growth could not raise the level of production very much.	Одной из причин этого относительного провала было то, что советское сельское хозяйство имело был настолько подавлен, что даже быстрый рост не смог поднять уровень производства очень много.
In addition, the incomes of both the urban and the rural populations had risen, and demand had therefore significantly increased.	Кроме того, доходы как городского, так и численность сельского населения возросла, и поэтому спрос значительно возрос.

<p>Moreover, a large proportion of the population still worked in agriculture, thus making for a low level of productivity and increasing overall costs: The Soviet Union's urban population surpassed the rural population for the first time only in 1965, and the latter still accounted for 30 percent of the total population in 1985.</p>	<p>Более того, значительная часть населения по-прежнему работала в С/х секторе, что приводило к низкому уровню производительности и увеличению общих затрат: городское население Советского Союза впервые превысило сельское только в 1965 году, а в 1985 году на долю последнего все еще приходилось 30 процентов от общей численности населения.</p>
<p>Even so, there was always a shortage of labor at harvest time, and millions of city dwellers and soldiers had to be mobilized to bring in the crops.</p>	<p>Тем не менее, во время сбора урожая всегда ощущалась нехватка рабочей силы, и миллионы городских жителей и солдат приходилось мобилизовывать, чтобы собрать урожай.</p>